

Пути Россіи

Имперія.

I.

«Воины! — писалъ Петръ Великій въ приказѣ войскамъ ваканувѣ Полтавской битвы, — се пришелъ часъ, который долженъ рѣшить судьбу отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой, ...за православную нашу вѣру и церковь... А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россія въ блаженствѣ и славѣ для благосостоянія вашего». Генеральная баталія при Полтавѣ — начало Россійской Имперіи. Судьба Московскаго царства рѣшена. Россія, пять вѣковъ смотрѣвшая на Востокъ, рѣшительно поворачиваетъ на Западъ. И, вмѣстѣ съ поворотомъ на Западъ, новый — западный — свѣтъ падаетъ на лицо русской государственности и ея носителя — русскаго государя. Государство — союзъ людей, отказавшихся отъ прирожденныхъ имъ вольностей и заключившихъ между собой договоръ о мирѣ. Заключившіе договоръ люди передали всѣ свои прирожденные права избранной ими державной власти. Потому державная власть абсолютна и неограничена. Задача ея — забота о благѣ передавшихъ ей свои права людей — о добрѣ общемъ. «Всякій правленія образъ, — говоритъ Феофанъ Грокоповичъ въ «Правдѣ воли монаршей» — и сама насльдная монархія, начало имѣетъ отъ перваго въ семь или ономъ народѣ согласія. Въ монархіи же насльдной, таковая была къ первому монарху воля народная, аще и не словомъ, но дѣломъ проявленная. «Согласно вси хоцемъ, даголетъ народъ..., да ты къ общей нашей пользѣ владыши надъ нами вѣчно...; мы же единожды воли нашей со-

*) См. «Совр. Записки» № № 2, 4, 7, 9, 12, 14, 18, 22, 32.

влекшеся, никогда же оной впредь, ниже по смерти твоей, употреблять не будемъ». И еще: «Власть верховная едину своего установленія вину конечную имѣеть — всенародную пользу». Петръ Великій, обращаясь къ войнамъ, называлъ ихъ: «Сыны отечества!» Сыну своему говорилъ: «Ты долженъ любить все, что служить къ чести отечества и не щадить трудовъ для общаго блага». И какъ задачу государя ставилъ: «Заботиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ». То же Екатерина II: на всероссійскій императорскій престолъ она вступила «по единодушному желанію и прошенію всего народа и всѣхъ сыновъ россійскихъ»; и задачей своего царствованія поставляла: всеобщее и ненарушимое народное блаженство. На вопросъ Бецкаго, кому она обязана своимъ воцареніемъ, она отвѣчала: «Богу и избранію моихъ подданныхъ». И въ манифестахъ, обращенныхъ «ко всѣмъ сынамъ отечества россійскаго», заявляла: «Наше первое желаніе есть видѣти нашъ народъ столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастье и довольствіе можетъ на сей землѣ простираться». И еще Павелъ въ завѣщаніи Александру I писалъ: «Старайся о благѣ прямою всѣхъ и каждаго». Поэтому, и отношеніе между государемъ и государствомъ и между государемъ и народомъ въ Имперіи новое, обратное московскому: не царство для царя, какъ это было въ Московскомъ государствѣ, а государь для государства. И не народы созданы для государей, а государи для народовъ. Государь — первый слуга своего отечества. «Я за мое отечество и люди, — писалъ Петръ сыну, — живота своего не жалѣлъ и не жалѣю». Екатерина II въ Наказѣ: ласкатели говорятъ царямъ, «что народы ихъ для нихъ сотворены. Однако мы думаемъ и за славу себѣ виднѣемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа». И Николай I — Александру II: «Ты долженъ помнить. ...что ты не себѣ принадлежишь, а своей родинѣ». Такова новая имперская идеологія русской государственности и государственной власти.

Но эта новая идеологія — только западный отблескъ на старомъ восточномъ лицѣ московской Россіи — «Россійской Европѣ». Подлинныя черты лица измѣнились мало. Строя новую Россію по европейскимъ образцамъ, русскіе государи не рубили съ плеча стараго. Приказывая все дѣлать съ примѣру стороннихъ чужихъ земель, Петръ Великій, въ государственномъ строительствѣ, поступалъ

осторожно и съ разборомъ: бралъ для постройки изъ европейскихъ образцовъ то, что «съ сетауаціей сего государства сходно», или европейскіе образцы «складывалъ съ русскими» и, если не находилъ подходящаго матеріала на Западѣ, бралъ изъ стараго — московскаго запаса. Перваго декабря 1712 года Федоръ Салтыковъ, посланный Петромъ за границу, писалъ царю изъ Лондона: «Между повелительными вашими указы въ свободныя времена, будучи здѣсь, прилежно потщился выбрать изъ правленія уставовъ здѣшняго англійскаго государства и прочихъ европейскихъ которое приличествуетъ токмо самодержавствію, а не такъ, какъ республикамъ или парламенту». На что 12 января 1713 года Петръ отвѣчалъ: «Правы, о которыхъ вы писали, что вы выбрали изъ англійскихъ и прочихъ европейскихъ, которыя надлежитъ, кромѣ республикъ, пришить». И позже, по другому поводу: «Англійская вольность здѣсь не у мѣста, какъ къ стѣнѣ горюхъ. Надлежитъ знать народъ, какъ онымъ управлять». Такъ же поступала и Екатерина II. Для Екатерины Петръ — совершенный образъ государя. Въ путешествіи она всегда носила съ собою табакерку съ его портретомъ и говорила: «Это для того, чтобы спрашивать себя каждую минуту: что бы онъ приказалъ, что бы запретилъ, что бы сдѣлалъ на моемъ мѣстѣ». На памятникѣ Фальколета она написала: «Петру I — Екатерина II». И въ государственномъ строительствѣ она неуклонно шла по слѣдамъ Петра: осмозрительно выбирала среди европейскихъ образцовъ подходящіе для Россіи, выбравъ, тщательно обрубала все, ея имперіи неприличное, и, если подходящаго не находила, брала изъ стараго запаса. Въ 1763 году Тепловъ докладывалъ Екатеринѣ: «Государь Императоръ Петръ Великій сенатъ своей самодержавной власти приличный, ...не съ польскаго, шведскаго и другого какого-либо республиканскаго обыкновенія учредилъ, а оному мѣсту только далъ прерогативы первымъ быть правительствомъ подъ собою». Какъ Тепловъ указывалъ, такъ Екатерина и поступила, свято храня завѣты своего «вселюбезнѣйшаго дѣда». Хотя она и убѣждала настойчиво и себя, и другихъ, что «Россія есть Европейская держава», и что «русскій народъ есть особенный народъ въ цѣломъ свѣтѣ», но въ душѣ думала такъ же, какъ ея керенскіе дворяне, которые въ наказѣ своимъ депутатамъ въ Комиссію объ Уложеніи просили не ограничивать ихъ

власти надъ крестьянами на томъ основаніи, что «Россійской Имперіи народъ сравненія не имѣеть въ качествахъ съ европейскими». Когда Никита Панинъ представилъ ей проектъ Государственнаго Совѣта, чѣмъ то напоминавшій ей «республиканскія обыкновенія», она долго думала, колебалась и кончила тѣмъ, что надорвала уже данную подпись подъ учреждающимъ Совѣтъ манифестомъ и продолжала править по старому положенію. Такой осмотрительной политикѣ нисколько не противорѣчило увлеченіе Екатерины европейскими мыслителями и европейскими идеями. О мыслителяхъ она говорила Дидро: «Вы имѣете дѣло съ бумагой, которая все терпитъ, между тѣмъ какъ я, бѣдная императрица, имѣю дѣло съ людьми, которые чувствительнѣе и щекотливѣе бумаги». А объ идеяхъ писалъ Дидро княгинѣ Дашковой: «Перенесенныя изъ Парижа въ Петербургъ, онѣ принимаютъ совсѣмъ другой цвѣтъ». Совсѣмъ другой цвѣтъ приняли въ Петербургѣ и идеи Монтескье, Духъ Законовъ котораго Екатерина называла молитвенникомъ государей, и котораго она «обобрала» въ своемъ Наказѣ на благо 20 милліоновъ людей Россійской Имперіи: цвѣта свободы были перекрашены въ цвѣта абсолютнаго самодержавія. «Я вижу, — писалъ Дидро въ своихъ замѣчаніяхъ на Наказъ, — что тутъ имя деспота уничтожено, но самъ деспотизмъ сохраненъ»; «естественная свобода личности тутъ сведена на нѣтъ, а власть государя безгранична»; «русская императрица, несомнѣнно, — государыня деспотическая». На что Екатерина отвѣчала такъ же, какъ Петръ объ англійской вольности: «Я въ душѣ республиканка и деспотизмъ ненавижу, но для блага народа русскаго абсолютная власть необходима». Западный свѣтъ не слѣпилъ глазъ русскихъ государей, когда они перестраивали Московское царство въ Россійскую Имперію, и не исказилъ исконныхъ московскихъ чертъ русской государственной власти. И, если пристально взглянуть въ лицо государственной власти Россійской Имперіи, ея исконныя московскія черты выступаютъ съ убѣждающей ясностью.

Россійская императорская власть основана не на западныхъ идеяхъ и не на волѣ народной. Ея основаніе — православная вѣра и воля Божья. «Политическія начала наши, — писалъ Карамзинъ въ 1810 году, — основываются не на Парижской энциклопедіи, но на энциклопедіи другой, несравненно древнѣйшей: на Библии. Цари наши не

суть репрезентанты народа..., но репрезентанты того, Кто владѣть царствами и ему же хочеть, даетъ». Господь Богъ учредилъ земное царство по образу своего царства небеснаго; и во главу царства поставилъ своего намѣстника на землѣ — царя. Потому земное царство есть Божественное установленіе, и царь — образъ Божій на землѣ. Богъ, по образу своего небеснаго единачалія, устроилъ на землѣ единачальнаго царя; по образу своего вседержительства — царя самодержавнаго; и по образу своего всемогущества — далъ царю неограниченную власть надъ людьми. Всѣ власти учинены отъ Бога, и царская власть — Божья власть. «Всякій государь, — говоритъ Θεофанъ Прокоповичъ, — наслѣдіемъ ли или избраніемъ скипетръ получившій, отъ Бога оное приемлетъ. Богомъ бо царіе царствуютъ, и силніи пишутъ правду; отъ Господа дается имъ держава, и сила отъ Вышняго; владѣтъ Вышній царствомъ человѣчимъ, и ему же восхощетъ, даеть его». «Государь не яко челоувѣкъ, но аки бы изъятый отъ числа смертныхъ почитаемъ есть. И въ самыхъ наслѣдныхъ монархіяхъ дѣломъ является, что монарси бози суть». При коронованіи русскихъ государей вѣнчающій епископъ говоритъ: «Се отнынѣ отъ Бога поставленъ еси Князь Великій и Боговѣнчанный царь правети хоругви и содержати скипетръ царства русскаго и вѣнчанъ еси царкимъ вѣнцомъ... Васъ бо Господь Богъ въ себѣ мѣсто избра на землю и на свой престоль вознесъ посади, милость и животь положи у васъ». И Посошковъ въ своей книгѣ «О скудости и богатствѣ»: «Яко Богъ всѣмъ свѣтомъ владѣтъ, такъ и царь въ своей державѣ имѣтъ власть». Поэтому возведеніе въ царскій санъ российскихъ императоровъ — ихъ священное коронованіе — есть не только государственный актъ, но и церковный чинъ. Коронованіе происходитъ въ церкви и отъ лица церкви, и царскій санъ вытекаетъ изъ таинства мвропомазанія, совершаемаго надъ коронуемымъ церковью. При коронованіи на государя возлагается порфира — символъ багряницы креста и на голову корона — символъ тернового вѣнца; въ руки государю вручаются скипетръ и держава — символъ власти надъ землей. При возложеніи короны вѣнчающій читаетъ молитву: «Видимое сіе и вещественное главы Твоея украшеніе явный образъ есть, яко тебя, главу всероссийскаго народа, вѣнчаетъ невидимый царь славы Христось». И при врученіи скипетра и державы: «О Бо-

гомъ вѣнчанный и Богомъ дарованный и Богомъ преукрашенный Благочестивѣйшій, Самодержавнѣйшій, Великій Государь Императоръ Всероссійскій! Прини скипетръ и державу, еже естъ видимый образъ даннаго тебѣ отъ Вышняго надъ людьми своими самодержавія...» Во время литургии, сопровождающей вѣнчаніе, государь сидитъ на тронѣ въ полномъ облаченіи и причащается по царскому чину — въ алтарѣ, отдѣльно тѣла и крови Христовыхъ, какъ священники. Рукоположеніе митрополита и возложеніе порфиры указываютъ на выдѣленіе коронуемаго государя изъ состава мірянъ и на возведеніе его въ особый священный чинъ. Таинство мвропомазанія полагаетъ на немъ печать Духа Святого. Духъ Божій нисходитъ на помазуемаго и сообщаетъ ему свои благодатные дары. «Отъ дня помазанія царя, — говоритъ митрополитъ Филаретъ, — духъ благодати Божіей носится надъ Помазанникомъ». «Съ возліянiемъ елея на главу помазуемаго соприусушно... наитіе Божіей благодати». «Какъ величественъ Помазанникъ Божій! Онъ есть живое орудіе Божіе; сила Божія исходитъ черезъ него во вселенную». — Весь чинъ коронованія россійскихъ императоровъ указываетъ на высокое и священное назначеніе царскаго сана и раскрываетъ вкладываемый въ него глубокой религіозный смыслъ. Царскій санъ есть не только установленное законами Имперіи наслѣдственное право государя на самодержавную власть и не только Божій даръ его избраннику. Царскій санъ есть, прежде всего, подвигъ служенія Богу. Богъ возлагаетъ на царя великія тяготы Россійской Имперіи. «Всего отечества состояніе на высочайшей власти виситъ». (Ф. Прокоповичъ). Царь — Божій слуга и несетъ передъ Богомъ отвѣтственность за всѣхъ своихъ подданныхъ. Поэтому и поданные отвѣчаютъ передъ царемъ, какъ передъ Богомъ. Послушаніе царю такъ же священно, какъ послушаніе Богу. Господь окомъ любви взираетъ на повинненіе подданныхъ и окомъ гнѣва на ихъ неповиновеніе. Неповиновеніе царю — тяжкій грѣхъ передъ Богомъ. Ибо вся власть земного царя есть только орудіе и проявленіе власти Царя Небеснаго. «Бога бойтесь, царя чтите, — говоритъ въ своихъ проповѣдяхъ митрополитъ Филаретъ. — Си двѣ заповѣди такъ соединены для насъ, какъ бы два ока на одномъ лицѣ истины и правды». «Повинуясь Царю... вы черезъ то благоугождаете самому Господу». «Подчиненные да ревнуютъ быть, какъ передъ Отцомъ

отечества небеснаго, такъ и передъ отцомъ отечества земнаго, чадами послушанія». «Да ревнуемъ и мы, каждый въ своемъ кругѣ дѣйствования, чтобы обязанности служить царю земному и Царю Небесному, быть вѣрными подданнымъ и истиннымъ христіаниномъ, составляли для насъ одну нераздѣльную обязанность, одинъ непрерывный подвигъ всей нашей жизни». «Съ нами Богъ благодатию православной вѣры. Съ нами Богъ благодатнымъ даромъ благословеннаго наследственнаго самодержавія». Такова подлинная идеологія россійской императорской власти. Россійская Имперія — православное царство. Россійскій императоръ — православный царь; неправославный царь въ Россійской Имперіи быть не можетъ. «Неправославный государь такъ же невозможенъ на русскомъ престолѣ, какъ римскій папа лютеранинъ». (Проф. Суворовъ). Это и указано въ статьѣ 63 основныхъ законовъ Имперіи: «Императоръ, Престоломъ Всероссійскимъ обладающій, не можетъ исповѣдывать никакой иной вѣры, кромѣ православной». Какъ и Московское царство, Россійская Имперія — священная восточная теократія.

Вѣрили ли россійскіе государи въ Божественное происхожденіе своей власти? Сознавали ли священное назначеніе царскаго сана? — Этотъ вопросъ охватываетъ эпоху въ два столѣтія и относится къ ряду лицъ — потому и отвѣтъ требуетъ расчлененія. Петръ Великій былъ вѣрующимъ и православнымъ человекомъ. И даже больше православнымъ, чѣмъ вѣрующимъ. Онъ истою клалъ поклоны во время церковныхъ службъ, охотно пѣлъ на клиросѣ съ пѣвчими и крѣпко любилъ колокольный звонъ православныхъ церквей. Ему и въ голову не приходило «наступать на Бога», какъ думали о немъ его противники — старо-вѣры, и въ самомъ характерѣ его вѣры не было ничего протестантскаго, какъ можетъ показаться изъ нѣкоторыхъ его поступковъ и выраженій. «Я солдатъ, — говорилъ онъ, — и въ богословіе не мѣшаюся». «Я вѣрю всему на семи соборахъ утвержденному, потому что святые отцы тѣхъ временъ были ближе насъ къ апостоламъ и лучше насъ все разобратъ могли». Наступая не на Бога, а на старое московское церковное настроеніе, онъ хотѣлъ одного: поднато подчиненія церкви «подъ державнаго монарха». Ибо въ его «регулярномъ» государствѣ все должно быть подчинено государству и его носителю-государю — значить, и вѣра, и церковь, и ея служители. Потому, и ста-

рый московскій споръ между священствомъ и царствомъ о томъ: «священство ли выше царства» или «царю церковью владѣть», онъ привелъ къ окончанію рѣшительно и безповоротно въ пользу царя и царства. И сдѣлалъ это, какъ и многое другое, въ государственномъ строительствѣ, съ большимъ перехватомъ. Если, при этомъ, рѣшеніе старого московскаго спора онъ облекъ въ новыя западныя и протестантскія формы, то только потому, что на Западѣ, и именно въ протестантскихъ странахъ, онъ нашелъ то, что точно выражало его желаніе и что было «съ сѣтуцаей сего государства сходно». Еще во время своего перваго путешествія по Европѣ онъ охотно выслушивалъ совѣты Вильгельма Оранскаго объ устройствѣ русской церкви на манеръ англиканской, гдѣ глава церкви — государь. И въ 1712 году въ Виттенбергѣ, передъ статуей Лютера, онъ говорилъ: «Сей мужъ подлинно заслужилъ памятникъ; онъ на папу и на все его воинство столь мужественно наступилъ для величайшей пользы своего государя и многихъ князей, которые были поумнѣ прочихъ». Поэтому, когда ему самому понадобилось наступить, если и не на папу, то на того, кто въ глазахъ народа могъ показаться «вторымъ государемъ, самодержцу равносильнымъ, или большимъ», онъ поступилъ просто и рѣшительно: уничтожилъ патріаршій престолъ, учредилъ «Духовное Соборное Правительство», приставилъ къ нему «изъ офицеровъ добраго человѣка, кто бы имѣлъ смѣлость и могъ управленіе синодскаго дѣла знать», и все это покрылъ протестантской формулой, выраженной въ присягѣ членовъ духовныхъ collegій: «Исповѣдую же съ клятвой крайнего Судію духовныхъ сея collegіи быти Самого Всероссийскаго Монарха, Государя нашего Всемиловивѣйшаго». Такъ Всероссийскій Императоръ, непосредственный преемникъ византійскихъ и московскихъ царей, сталъ «начальникомъ Россійской церкви»: «восхитилъ на себя — какъ полагали сторонники старой вѣры — не точію царскую власть, но и святительскую и Божію». По существу же, отношенія между священствомъ и царствомъ измѣнились мало: Россійская Имперія не стала свѣтскимъ государствомъ и изъ-подъ церковнаго благословенія не вышла. — Еще проще поступилъ Петръ, когда ему понадобилось наступить на «папское воинство». Здѣсь онъ дѣйствовалъ не западными и не протестантскими, а старыми испанскими и чисто русскими средствами: жесточію и нещад-

ною казнью. «Ой, бородачи! — говорилъ Петръ Толстому. — Многому злу корень старцы и попы; отецъ мой имѣлъ дѣло съ однимъ бородачемъ, а я съ тысячами». Толстой отвѣчалъ: «Старцамъ пора обрѣзать перья и побавить пуха». Петръ на это: «Не будутъ летать, скоро, скоро!» Они и не летали при Петрѣ. «Священниковъ и монаховъ, какъ мушекъ давили, казнили, разстригали... — говорить про петровскую эпоху позднѣйшій проповѣдникъ. — Была година темная... — Характеръ петровской церковной реформы — ключъ къ пониманію взглядовъ Петра на источники царской власти и на назначеніе царскаго сана. Западныя и протестантскія формулы и выраженія не должны насъ обманывать. Петръ и не думалъ мѣнять старыя московскія основы государственной власти, а потому и не нуждался въ замѣнѣ старой московской идеологіи новой западной. Онъ хотѣлъ много: укрѣпить старыя основы государственной власти, сдѣлать государственную власть еще болѣе всеобъемлющей и независимой и для этого находилъ нужнымъ, для вразумленія подданныхъ, къ старымъ московскимъ святоотеческимъ аргументамъ прибавить новые западные — отъ естественнаго разума. Онъ такъ и сдѣлалъ. Когда Феоданъ Прокоповичъ, по заказу Петра, писалъ Правду воли монаршей, онъ утвердилъ, какъ незыблемые авторитеты, Св. Писаніе и св. Отцовъ церкви, но рядомъ съ ними поставилъ и «изряднѣйшихъ законодателей — Гугона Гроція, Фому Гоббеса и Самуила Пуффендорфа»: слово Божіе сочеталъ съ человѣческимъ «естествомъ»; а, какъ источники власти, указалъ и волю Божію, и волю народную. И не находилъ въ такомъ сочетаніи ничего искусственнаго: ибо въ самомъ ествѣ человѣческомъ есть «законъ отъ Бога положенный»; и «народная воля... бываетъ безъ собственнаго смотрѣнія Божія, но Божимъ мановеніемъ подвижима дѣйствуетъ». Самъ же Петръ Великій, если и любилъ ссылаться на человѣческое естество и на естественный разумъ, то ни въ какую народную волю не мало не вѣрилъ. Будь это такъ, онъ иначе бы обращался со своими «замерзлыми подданными» и не считалъ бы ихъ «животными», которыхъ ему только предстоить передѣлать въ людей. Онъ твердою рукой писалъ въ своихъ манифестахъ: «Божіею милостію Мы Петръ I, Царь и Самодержецъ Всероссійскій», и писалъ то, что думалъ. И еще твердо зналъ: что царскій санъ — тяжкая служба Богу, что

надъ своими подданными онъ «отъ Бога приставникъ» и что за всѣ свои дѣла и за всѣхъ своихъ подданныхъ онъ дастъ передъ Богомъ отвѣтъ. А болѣе глубокия идеологическія размышленія были не въ его характерѣ.

Еще прежде обстояло дѣло у Екатерины II. Екатерина Великая — человекъ Запада и, еще точнѣе, западная просвѣщенная принцесса. Какъ и большинство просвѣщенныхъ западныхъ людей ея времени, она была равнодушна къ религіи и, если допускала существованіе Бога, то по Вольтеру, какъ Творца вселенной. Разумѣется, при такіхъ религіозныхъ взглядахъ, она не могла серьезно вѣрить ни въ Божественное происхожденіе царской власти, ни въ священное назначеніе царскаго сана. Но Екатерина была умной женщиной и имѣла талантъ властвованія. Вступивъ на всероссійскій престолъ на штыкахъ гвардіи, она прекрасно понимала, что утвердить тронъ на штыкахъ невозможно. Какъ всякая власть въ мірѣ, такъ и Россійская императорская могла держаться только на душахъ людей. Души же русскихъ людей, въ ея время, за малыми исключеніями, были крѣпко православными. Вотъ почему еще задолго до вступленія на престолъ, только въ предвидѣніи такой возможности, она, съ обычной своей рѣшительностью, мужественно преодолевала свое религіозное безразличіе и ревностно принялась за изученіе православнаго закона; а, когда взошла на престолъ, твердо встала «на оборону православной вѣры» и во все свое долгое царствованіе строго вела себя такъ, какъ подобаетъ благочестивой и православной государынѣ: аккуратно посѣщала церковныя службы, соблюдала посты, ходила пѣшкомъ на богомолье и открывала мощи святыхъ. «Неужели изъ-за такой малости, — говорила она, — захочу я быть врозь съ милліонами моего народа». Она и не была врозь съ милліонами своего народа — и не только православными, но и иныхъ вѣроисповѣданій. «При разговорѣ о мечетяхъ, на границѣ для киргизовъ построенныхъ, — записываетъ свои бесѣды съ Екатериной ея секретарь Храповицкій, — и о повелѣніи, данномъ для печатанія Алкорана, сказано, что сдѣлано сіе не для введенія магометанства, но для приманки на уду». Такъ, когда «для приманки на уду», а когда и искренно, увлекаясь своей ролью, Екатерина твердой поступью шла въ ногу со своимъ народомъ и религіозныя вѣрованія народа считала своими; а потому и была и народомъ, и даже духовенствомъ, искренно любима.

какъ государыня благочестивая, «вѣры защитница, Церковь и Отечество матернимъ покровомъ покрывшая и сохранившая». Вотъ почему и въ пониманіи источниковъ царской власти и назначенія царскаго сана Екатерина со своимъ народомъ не разошлась. Какъ и ея народъ, она твердо знала, что и царская власть, и царскій санъ — «отъ Бога», и что «противящіеся власти — Богу противятся»; а потому и не уставала повторять: что «отъ руки Божіей пріяла она всероссійскій престоль», что «Богъ вручилъ ей Россійскую Имперію» и «право самодержавства», и что царскій санъ — «великое къ Богу служеніе». А въ перепискѣ съ Вольтеромъ не забывала упомянуть и то, что она «глава греческой церкви».

Съ Екатериной кончается имперскій 18 вѣкъ — вѣкъ просвѣщеннаго разума, «вольтеровой вѣры» и неустачной оглядки на Западъ. Съ Павломъ начинается новая эпоха — мистики, романтики и сдержаннаго, часто критическаго, отношенія къ Западу. А съ воцареніемъ Николая I имперское западничество окончательно умираетъ — императорская Россія возвращается «на родину». И, вмѣстѣ съ возвращеніемъ на родину, приходитъ къ концу петровскій періодъ Имперіи, — отъ Петра до Николая I-го, — когда, по слову Пушкина, «правительство всегда было впереди на поприщѣ образованности и просвѣщенія». Наступаетъ новая эпоха «контрареволюціи Петра». Теперь задачи правительства иныя: умноженіе «умственныхъ плотинъ» противъ разрушительныхъ идей Запада; сохраненіе Россіи въ духовной чистотѣ и юности среди окружающихъ ее бурь и волненій. Въ основу Имперіи кладутся истинно-русскія, національно-самобытныя начала — самодержавіе, православіе и народность; при чемъ только первыя два начала имѣютъ самостоятельное значеніе — народность выражается въ преданности самодержавію и православію. Изъ имперскихъ манифестовъ исчезаютъ обращенія: «Сыны отечества», «Сыны Россійскіе», «Россіяне»; выраженія: «народная воля» и «избраніе народа» кажутся теперь злымъ порожденіемъ гнѣющаго Запада. Задачей своей Имперія составляетъ: свято блюсти вѣковые устои Державы Россійской. На этихъ устояхъ, несмотря на всѣ вѣшнія перемены, Имперія духовно твердо стоитъ до конца — до своего крушенія въ великой революціи. — Всѣ государи этой эпохи — искренно вѣрующіе и искренно преданные православію люди. Только Павелъ преданность правосла-

вію совмѣщала съ симпатіями къ католицизму; а у Александра I православная вѣра, долгіе годы мирно уживалась съ внеисповѣдной мистикой и піэтизмомъ. Съ Николаемъ I въ Имперіи устанавливается строго православный чинъ. Самодержавіе и православіе почти сливаются въ единое исповѣданіе имперской вѣры. Правда, въ этомъ національно-русскомъ, самодержавно-православномъ стилѣ Имперіи опытный глазъ съ легкостью можетъ отличить черты западныя — протестантскаго абсолютизма. Но это сѣмшеніе — неизбѣжное въ государствѣ XIX вѣка, обращенномъ на Западъ и озаряемомъ западнымъ свѣтомъ. Оно нисколько не мѣняетъ духовнаго облика Имперіи и не разрушаетъ цѣльности ея стилия. Такъ же, какъ только виѣшне противорѣчивой можетъ показаться величественная фигура русскаго императора — Помазанника Божія, преемника византійскихъ и московскихъ царей и облеченнаго въ гвардейскій мундиръ западнаго покроя. — Характеръ эпохи опредѣляетъ и взгляды государей на источники ихъ власти и на назначеніе царскаго сана. Всѣ государи этой эпохи (за исключеніемъ Александра I въ нѣкоторые періоды его жизни) искренно вѣрятъ въ Божественное происхожденіе своей власти и понимаютъ царскій санъ, какъ тяжкое, но священное служеніе. Подлиннымъ теократомъ — носителемъ Божественной власти — былъ Павелъ I. Онъ религіозно сознавалъ себя царемъ-священникомъ, единымъ главою и царства, и церкви. Выраженіе «Государи Россійскіе суть главою церкви» совсѣмъ не случайно появилось, въ его царствованіе, въ основныхъ законахъ Имперіи (въ актѣ о престолонаслѣдіи). Церковную реформу Петра, протестантскую по формѣ и западную по назначенію: сдѣлать государство болѣе свѣткимъ, менѣе зависимымъ отъ церкви, онъ стремился обернуть ея восточной стороною: сдѣлать государство болѣе церковнымъ, тѣснѣе слить государство съ церковью и во главѣ и церкви, и государства поставить одно священное лицо: самодержавнаго монарха, отъ Бога пріявшаго свою власть и только передъ Богомъ отвѣтственнаго. Почитаніе царскаго сана, въ его время, снова приняло старыя восточныя формы. Какъ въ Московскомъ царствѣ, прохожіе передъ царскимъ дворцомъ должны были обнажать головы. При встрѣчѣ съ императоромъ проѣзжіе выходили изъ экипажей и снимали верхнее платье. Преклоненіе передъ собственнымъ величіемъ было у Павла такъ велико, что

порой онъ даже объѣдалъ въ коронѣ. И 29 апрѣля 1797 года, въ день Прелоловенія Пятидесятницы, во время военво-церковныхъ торжествъ, происходившихъ въ московскомъ кремлѣ, Павелъ въ далматикѣ и коронѣ командовалъ войсками на парадѣ.

Такое же высокое и священное пониманіе царской власти было у Николая I. Николаю I была чужда мистика и романтика Павла и Александра I, и онъ не стремился духовно возглавить церковь. Какъ православный государь, онъ считалъ себя защитникомъ господствующей вѣры, хранителемъ и блюстителемъ ея догматовъ и церковнаго благочинія — не больше. Но такъ же, какъ Павелъ романтическими воззрѣніями на власть, такъ и Николай былъ весь проникнутъ тѣмъ византійско-православнымъ пониманіемъ царской власти, которое было свойственно московскимъ царямъ — ея богоустановленности и ея священнаго характера. Онъ глубоко и религиозно вѣрилъ въ то, что російскіе государи уполномочены на царство Богомъ, что самодержавная власть — только земное выраженіе божественной небесной власти, что Божья благодать почитъ на помазанномъ царѣ и руководитъ его рѣшеніями, и что потому царская воля должна быть такъ же священной и непреложна для подданныхъ, какъ Божіе велѣніе. И такъ же религиозно-благоговѣнно онъ относился къ своимъ царскимъ обязанностямъ. Царскій санъ — тяжкое бремя, возложенное Богомъ на его избранника; жертвенное служеніе Богу и Россіи. Потому царь долженъ трудиться, не щадя силъ, отречься отъ всего личнаго и быть готовымъ дать Богу нелицепріятный отвѣтъ за вѣренное ему царство и людей. Такъ Николай и поступалъ. Работалъ безъ отдыха, велъ простую и суровую жизнь, жертвовалъ всѣмъ ради долга и умиралъ со страшнымъ сознаніемъ тяжелой отвѣтственности передъ Богомъ за потрясенную Россію. «Мнѣ хотѣлось принять на себя все трудное, все тяжкое — были его предсмертныя слова сыну — оставить тебѣ царство мирное, устроенное и счастливое. Провидѣніе судило иначе. Теперь иду молиться за Россію и за васъ... Служи Россіи». Правда, въ этомъ царскомъ служеніи Богу и Россіи было у Николая I что-то, что очень напоминало любимую имъ военную службу. Николай былъ насквозь военнымъ человѣкомъ и на весь міръ смотрѣлъ со служебной точки зрѣнія. Царство — команда; народъ — солдаты въ строю; и самъ царь — командиръ. «Я смо-

тню на всю человѣческую жизнь, — говорилъ онъ, — только какъ на службу, такъ какъ каждый служить». Но эта военная психологія нисколько не разрушала, въ царскомъ служебнѣи Николая, его религіозной основы и не убивала въ немъ сознанія священности его сана. Напротивъ, она укрѣпляла это сознаніе, придавала ему рыцарски-торжественный характеръ, и онъ весь былъ такъ проникнутъ имъ, что самъ благоговѣлъ передъ собственнымъ, казавшимся ему неземнымъ, величіемъ. Это и отражалось на его лицѣ, фигурѣ, осанкѣ, и, несмотря на скромную военную форму, которую онъ носилъ, и на чисто военную выправку, своюю внѣшностью онъ производилъ на окружающихъ громадное впечатлѣніе. Объ этомъ свидѣлствуютъ всѣ современники — друзья и враги. «Ничто не можетъ сравниться, — рассказываетъ о вѣнчаніи на царство Николая I писатель Сологубъ, — съ впечатлѣніемъ восторга и почти ужаса, которое обуюяъ меня при коронаваніи. Только Юпитеръ, снисходящій съ Олимпа, могъ быть сравнимъ съ нимъ». «Внѣшнее впечатлѣніе онъ производилъ громадное. — Свидѣлствуетъ Б. Чичеринъ. — Онъ чувствовалъ себя... избраннымъ Богомъ, главою великаго народа, имѣющаго высокое призваніе на землѣ... Сама его высокая и красивая фигура носила на себѣ печать величія». И еще въ воспоминаніяхъ Тютчевой: «Его внушительная и величественная красота, величавая осанка... властный взглядъ, все, кончая его улыбкой снисходящаго Юпитера, все дышало въ немъ земнымъ Божествомъ». Таково впечатлѣніе, которое онъ производилъ на современниковъ при жизни. И такъ же царственно онъ умиралъ. Было въ его умираніи что-то торжественно трагическое, что напоминало предсмертныя минуты московскихъ царей — въ особенности Василія IV — и что потрясло окружающихъ. «Какъ будто вамъ объявили, что умеръ Богъ», — сказалъ, узнавъ о его смерти, поэтъ Тютчевъ.

И замѣчательно: это ощущеніе божественной силы, присущей царской власти и сознаніе священности царскаго сана не покидали русскихъ государей и послѣ Николая I-го — до самаго конца династіи, до смерти послѣдняго императора. Ничто — ни крушеніе крѣпостной Россіи, завершившее царствованіе Николая I, ни громадныя перемѣны царствованія Александра II, ни даже введеніе представительнаго строя при Николаѣ II, — ничто не поколебало этого сознанія. Напротивъ: оно какъ-будто росло и

урѣплялось. Оно несомнѣнно присутствовало у Александра II. Оно имѣло большее значеніе въ жизни Александра II-го. И оно сыграло опредѣляющую роль въ судьбѣ Николая II. Нельзя понять трагическую жизнь и смерть послѣдняго императора, не уяснивъ себѣ рѣшающаго значенія этой черты въ его личности. И при этомъ не важно, откуда возникло у Николая II такое сознание: было ли оно внушено ему родными и приближенными совѣтниками или — что болѣе вѣроятно — передано, какъ вѣковое наслѣдство, отъ отца и прадѣда. Важенъ историческій фактъ: въ своей тяжелой жизни многострадальнаго Юва, какъ онъ самъ себя называлъ, — въ царскихъ дѣлахъ, имѣвшихъ всероссійское и даже мировое значеніе, онъ руководился не доводами разума и не указаніями государственныхъ людей, а голосомъ свыше. Когда надо было принять отвѣтственное государственное рѣшеніе — дать отвѣтъ на трудный вопросъ, онъ ждалъ этого голоса и, казалось ему, слышалъ его. Что это было — мистическая интуиція? Особое состояніе религіозной настроенности? — Не только. У Николая II была своя философія жизни и государственности, въ которую онъ вѣрилъ, какъ въ религіозную догму, и которая давала ему силы нести царское служеніе. Міромъ управляетъ Богъ — люди не имѣютъ вліянія на ходъ историческихъ событій. Богъ вручилъ Россійскую Имперію своему помазаннику — царю и черезъ него руководить ея судьбами. Царь — только орудіе Всевышняго, покорный исполнитель Его воли. Потому, когда царю надо принять рѣшеніе, онъ не долженъ полагаться на мнѣніе людей и доводы человѣческаго разсудка — онъ долженъ прислушаться къ голосу свыше, и «Богъ царя извѣститъ». И, какъ Богъ царю на душу положить, такъ царь и долженъ поступить. Ибо въ своихъ царскихъ дѣлахъ онъ дастъ Богу отчетъ. Какъ Николай II вѣрилъ, такъ и поступалъ. Неохотно выслушивалъ доклады министровъ, не любилъ совѣтоваться съ умудренными опытомъ людьми, не считался съ мнѣніями высшихъ государственныхъ учреждений, — предпринимая какой-нибудь государственный актъ, долго колебался, вынашивалъ свои рѣшенія и, когда чувствовалъ, что рѣшеніе въ немъ созрѣло, видѣлъ въ немъ Божіе указаніе, которое онъ долженъ свято выполнить. И, при этомъ, искренно вѣрилъ, что творить не свою волю, а волю Всевышняго. Потому считалъ свои рѣшенія непогрѣшимыми, свою волю — не-

ограниченной и свое царское слово — единственнымъ закономъ для народа. «Такова моя воля», «я такъ хочу», — были его обычные выраженія. Въ 1900 году Государственный Совѣтъ вынесъ постановленіе о желательности уничтоженія тѣлеснаго наказанія для крестьянъ. Государь вернулъ мнѣніе Совѣта съ отмѣткой: «Это будетъ тогда, когда я этого захочу». Въ 1906 году Столыпинъ представилъ государю заключеніе Совѣта министровъ по еврейскому вопросу. 10 декабря государь писалъ Столыпину по этому поводу: «Возвращаю Вамъ журналъ по еврейскому вопросу не утвержденнымъ... Несмотря на самые убѣдительные доводы въ пользу принятія положительнаго рѣшенія по этому дѣлу — внутренний голосъ все настойчивѣе твердитъ мнѣ, чтобы я не бралъ этого рѣшенія на себя. До сихъ поръ совѣсть моя никогда меня не обманывала. Поэтому и въ данномъ случаѣ я намѣренъ слѣдовать ея велѣніямъ. Я знаю, Вы тоже вѣрите, что «сердце царю въ рукахъ Божіихъ». Да будетъ такъ. Я несу за всѣ власти, мною поставленныя, передъ Богомъ страшную отвѣтственность и во всякое время готовъ отдать Ему въ томъ отвѣтъ». Министры и сановники — преданные слуги монархій и престола — приходили въ отчаяніе отъ такихъ методовъ управленія государя. Руководить Имперіей становилось безконечно трудно. Государственные дѣла приходили въ разстройство. «Юный царь все болѣе и болѣе получаетъ презрѣніе къ органамъ своей собственной власти, — записывалъ съ горестью 22 іюля 1901 года въ своемъ дневникѣ статсъ-секретарь А. А. Половцевъ. — Начинаетъ чувствоваться что-то похожее на Павловское время...» «Государь никого больше не слушается и ни съ кѣмъ не совѣтуется», — записываетъ онъ 12 апрѣля 1902 года. И еще 30 декабря того же года: «Заѣзжаю къ Витте. Нахожу его въ мрачномъ настроеніи. Вести дѣла все труднѣе и труднѣе. Государь почитаетъ себя непогрѣшимымъ и должествующимъ дѣйствовать по своимъ личнымъ вдохновеніямъ, въ чемъ и выражается самодержавіе». Никакіе уговоры и совѣты на государя не дѣйствовали. Мягкій и слабыхарактерный въ обычной жизни, въ этой основной линіи царскаго служенія онъ оставался твердымъ и непреклоннымъ. И въ этомъ не было ни своей воли, ни безотвѣтственности. Наоборотъ. Государь былъ скромнымъ и сдержаннымъ человѣкомъ, и гордыня власти была ему чужда; и чувство отвѣтственности было въ

цѣмъ сильно развито, только не передъ людьми, а такъ, какъ онъ ее понималъ, — передъ Богомъ. Но у него было свое пониманіе царскаго служенія, составлявшее неотъемлемую часть его крѣпкой религіозной вѣры — и отказаться отъ этого пониманія было не въ его власти. И такіе же взгляды на царскій санъ и на царское служеніе были у императрицы Александры Федоровны, — единственно близкаго и довѣреннаго человѣка государя. «Ты — самодержецъ, ты владыка и повелитель, ты — глава церкви», — писала она ему неоднократно. «Ты — самодержецъ — помни это». И еще, уже послѣ отреченія 2 и 3 марта 1917 г.: «Всемогущій Богъ надо всѣмъ, Онъ любитъ своего Помазанника Божія и спасетъ тебя и возстановитъ тебя въ твоёмъ правѣ». «Ты будешь коронованъ самимъ Богомъ на этой землѣ, въ своей странѣ». И, въ свѣтѣ этихъ воззрѣній, совсѣмъ не случайнымъ и мало характернымъ, а глубокимъ и значительнымъ кажется удивительный разговоръ, происходившій осенью 1903 года, почти наканунѣ первой революціи, между великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ и председателемъ комитета министровъ С. Ю. Витте и приведенный послѣднимъ въ его воспоминаніяхъ.

Вел. кн. Николай Николаевичъ задалъ вопросъ Витте: «Скажите мнѣ откровенно, Сергѣй Юльевичъ, какъ Вы считаете государя, человѣкомъ или нѣтъ?»

С. Ю. Витте отвѣтилъ: «Государь есть мой государь, и я его вѣрный на всю жизнь слуга, но хотя онъ самодержавный государь, Богомъ или природой намъ данный, онъ все-таки человѣкъ со всѣми людямъ свойственными особенностями».

На это вел. кн. сказалъ: «Видите ли, а я не считаю государя человѣкомъ. Онъ ни человѣкъ и ни Богъ, а нѣчто среднее».

Надо съ точностью возстановить въ своей памяти духовныя основы византійско-московской власти, надо дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, какъ поверхностно и призрачно было вліяніе Запада на русскую власть въ періодъ Имперіи, надо заглянуть въ душу послѣдняго императора и понять ея религіозную настроенность, и тогда роССійская трагедія, завершившаяся великой революціей, раскроется передъ нами въ своей подлинной глубинѣ и своей роковой неизбѣжности.

Проникнуть въ сознаніе роССійскихъ императоровъ

сложно и трудно. Российская Империя — восточное царство, облеченное въ западныя формы. Российскіе императоры — западные люди съ восточнымъ государственнымъ сознаниемъ. Зато государственное сознание имперскаго народа — «подлаго», «тяглаго», «податнаго» — раскрывается съ удивительной простотой и ясностью. Единственное препятствіе — случайность показаній. Зато всё показанія свидѣтельствуяютъ единодушно: имперскій народъ — тотъ же московскій народъ, и государственное сознание имперскаго народа мало чѣмъ отличается отъ государственнаго сознания московскихъ людей. И этому не надо удивляться. Ибо, когда русскіе государи, по западнымъ образцамъ, передѣлывали Московское царство въ Российскую Имперію, они передѣлывали его не снизу вверхъ, а сверху внизъ: отливали западныя формы для верхушки государственнаго зданія — двора, арміи и флота, правительственныхъ учрежденій и промышленности и перестраивали, по европейскимъ планамъ, столицы и губернскіе города — основъ государственнаго зданія они не трогали и московскихъ устоевъ народнои жизни не ломали. И тоже съ западнымъ просвѣщеніемъ: оно предназначалось для верхушки народа. Благородное шляхетство обучали западнымъ наукамъ и искусствамъ и старались привить ему европейскій «политесь», по возможности не задѣвая душъ — подлага народа западное просвѣщеніе не касалось. Правда, Петръ Великій сдѣлалъ попытку влить въ западныя формы и городскихъ мужиковъ: переодѣтъ ихъ въ нѣмецкое платье, сбрить бороды и засадить за европейскую науку въ цифирныя школы. Но, хотя переливка проводилась круто — усы и бороды обрѣзали съ мясомъ — изъ этого ничего не вышло. Мужики за бороды и за русское платье «ради были стоять и умирать» или за колъняхъ молили царя не растлить въ нихъ образа Божьего — не лишать бороды — и въ концѣ концовъ образа Божій отстояли. А цифирныя школы постепенно закрылись сами, ибо ученики отъ западной науки бѣжали розно и тягла — учебы — отбывали. Потому, когда Петръ Великій, положивъ намѣреніе «прорубить окно въ Европу», велъ Сыновъ Российскихъ противъ ихъ-исконныхъ враговъ — шведовъ, которые «разумнымъ очамъ къ нашему нелюбезрѣнію добрый задернули завѣсъ и со всѣмъ свѣтомъ куммуникацію пресѣкли»; и, милосердуя къ своимъ подданнымъ, яко отецъ, выводилъ ихъ изъ небытія къ

бытію и изъ тмы невѣдѣнія на театръ славы, московскіе люди за своимъ царемъ покорно шли и царское дѣло, не щадя животовъ, дѣлали, но понимали это царское дѣло по своему, по московскому: какъ свидѣтельствуется Желябужскій о походѣ 1702 года, «стояли храбро и мужественно за Домъ Присвятыя Владычицы наша Богородицы и за его государя Пресвѣтлаго Величества, и за вѣру христіанскую, другъ за друга единокупно умирали, и смиренныя чаши другъ за друга испивали». — И то же было въ концѣ вѣка — при Екатеринѣ Великой. Западная цивилизація уже ярко освѣщала верхи имперскаго зданія; екатериненскіе орлы гордо рѣяли надъ изумленной Европой; петербургскіе придворные вельможи напоминали парижскихъ маркизовъ и виконтовъ, и императорскій дворъ — версальскій. А низы имперскаго народа еще были погружены въ темную ночь — московское «варварство». Иностранцы наблюдали съ удивленіемъ отмѣчали: въ Російской Имперіи точно двѣ націи — одна — благородная, — по крайней мѣрѣ, по внѣшности, походить на западную и европейскую; другая — подлая — восточная и азіатская. Первая живетъ въ современномъ вѣкѣ — разума и просвѣщенія; вторая — въ XV вѣкѣ или въ эпоху Каролинговъ, а, можетъ быть, и раньше — «до потопа». И эти наблюденія, съ европейской точки зрѣнія, недалеко были отъ истины. Ибо, несмотря на всѣ старанія Екатерины поскорѣе превратить ея имперію въ европейское государство и съ этой цѣлью распространить возможно шире въ странѣ западное просвѣщеніе, до низовъ народа оно еще не спустилось. «Регулярное градостроительство» только по внѣшности передѣлывало московскіе города въ европейскіе, а часто ограничивалось тѣмъ, что переименовывало въ города простыя деревни и села. Да и въ такихъ городахъ, по прежнему, жили четыре человѣка на сто и своими занятіями мало чѣмъ отличались отъ остальныхъ — деревенскихъ жителей. Въ деревняхъ крестьяне вели старое московское хозяйство — перелогъ и трехполье — и теребили землю московскими сохами. Грамота оставалась достояніемъ единицы. Многіе наказы въ Екатериненскую комиссію подписаны крестами, ибо, какъ указано въ наказахъ, избиратель «грамотѣ не имѣеть». Въ городскихъ школахъ учились одинъ человѣкъ на полторы тысячи. А общее состояніе деревенскаго просвѣщенія лучше всего характеризуютъ слова епископа Афанасія: «Во

всей Россійской Имперіи крестьянскія дѣти приходятъ въ возрастъ безграмотные... Рѣдкій же крестьянинъ и о самомъ Богѣ надлежащее понятіе имѣеть». — Россійская Имперія первой половины XIX вѣка, на первый взглядъ, можетъ показаться иною. Своимъ видомъ она напоминаетъ многія церкви Запада: фронтонъ и куполь — ренессанса; алтари — барокко; живопись — современная. Входя, вы не сомнѣваетесь, что передъ вами церковь Нового времени. Но это только первое обманчивое впечатлѣніе. Вглядѣвшись, вы видите иное: планъ церкви — крестовый, устои — столбы и стѣны — готическіе, своды — стрельчатые. Церковь — средневѣковая, только внѣшне окрашенная Новымъ временемъ. То же и Россійская Имперія до реформъ Александра II. На первый взглядъ, это — европейское государство. Фронтонъ и внѣшній украшенія — западные: дворъ — одинъ изъ самыхъ блестящихъ въ Европѣ; армія, по европейски одѣтая и вымуштрованная и, въ уплату за европейскую науку, прошедшая всю Европу побѣднымъ маршемъ; благородное дворянство, уже отвѣтившее на вызовъ Петра Пушкинымъ; Сѣверная столица съ прекрасными классическими зданіями и закованной въ гранитъ Невой; отстроенная въ европейскомъ стилѣ послѣ пожара 1812 года Москва; европейскіе губернскіе города и помѣщичьи усадьбы; и, наконецъ, имперская администрація, по внѣшности и выучкѣ западная и успѣвшая навести европейскій лоскъ и порядокъ на московскую грязь и безтолочь. Но на этомъ Еврепа и кончается. Все остальное въ имперскомъ зданіи — планъ строения, устои и покрытія — старо-московское, восточное. Во главѣ Имперіи — самодержавный царь, въ глазахъ народа — подобіе Бога на землѣ. Подъ нимъ тяглые классы. Все зданіе построено на «крѣпости». 90% имперскихъ подданныхъ — казенные или помѣщичьи рабы. Сама Имперія — громадная крѣпостная деревня съ формами земледѣльческаго хозяйства, недалеко ушедшими отъ времени Ивана Грознаго. Въ безбрежномъ деревенскомъ океанѣ города кажутся одинокими и случайными островками. Столицы и помѣщичьи усадьбы производятъ впечатлѣніе иностранныхъ колоній въ странахъ Востока. И то же съ западнымъ просвѣщеніемъ: оно по прежнему предназначено для верховъ народа — свободолюбивая западная наука для верховъ вредна и опасна. Капли западнаго просвѣщенія все же просачиваются въ низы, но поднима-

ютъ на поверхность европейской жизни только одиночекъ — московскіе устои народной жизни — быть и сознание — остаются нетронутыми. Вглядываясь въ лицо имперскаго крестьянина, осѣнявшаго себя — въ концѣ этой эпохи — крестнымъ знаменемъ при вѣсти объ освобожденіи, съ изумленіемъ видишь знакомыя черты лица московскаго сироты, какъ-будто бы еще вчера только въ ужасѣ и страхѣ крестившагося при вѣсти объ отмѣнѣ Юрєва дня. Вѣка исторіи прошли почти безслѣдно. Потому, для иностранныхъ наблюдателей, російскій народъ, по прежнему, остается раздѣленнымъ на двѣ націи, почти двѣ расы: благородную — западную и тяглую — восточную. Общее у обѣихъ — и то приблизительно! — только языкъ и вѣра. И сама Россійская Имперія уже перестаетъ казаться имъ европейскимъ государствомъ. «Россія — Азія»; въ лучшемъ случаѣ, смѣшеніе Запада съ Востокомъ. «Москва — татарскій Римъ». «Петербургъ — азіатскій Парижъ»; «Грѣческій городъ, импровизированный для татаръ». «Камчатка и Версаль на разстояніи трехчасоваго перегона» — вотъ Россія. — Подлинная европеизація Россійской Имперіи начинается только съ эпохи Великихъ реформъ. Въ эту эпоху низъ и устои имперскаго зданія наново перестраиваются по европейскимъ образцамъ или покрываются европейской обшивкой. Западная цивилизація начинаетъ медленно, но неуклонно, спускаться въ низы народа. Падаютъ московскіе устои народной жизни — крѣпостная неволя, тягло и рекрутчина. Западные взгляды на міръ, государство и личность постепенно проникаютъ въ народное сознание. Но не надо себя обманывать: европеизація не только имперскаго зданія, но и народныхъ низовъ проходитъ болѣзненно и трудно. Переходъ отъ восточной священной теократіи къ западному правовому государству — спускъ среди кручъ и пропастей. Переливъ западной культуры въ восточное народное сознание — операція, еще болѣе мучительная и опасная. Европейскія реформы, провозглашенныя въ законѣ, только черезъ десятилѣтія проходятъ въ жизнь и не всегда перестраиваютъ ее по новому и по западному. Западные идеи, проникая въ восточное сознание, создаютъ еще невиданную и часто взрывчатую смѣсь. И помимо этого, нужны долгіе годы, чтобы западный ферментъ далъ нужное броженіе. Только въ концѣ XIX вѣка, подъ влияніемъ промышленнаго подъема, вызваннаго европейскимъ капиталомъ, имперскіе го-

рода начинают наполняться западнымъ оживленіемъ и, хоть въ отдаленномъ видѣ, напоминать западные городскіе центры. Только въ XX вѣкѣ это оживленіе передается въ деревню — до конца XIX вѣка имперская деревня по прежнему восточно-неподвижная, еще полукрѣпостная и полутяглая. Только въ эпоху первой революціи западное государственное сознание окончательно овладѣваетъ низами городского населенія. Только въ годы между первой революціей и войной оно завоевываетъ деревню. И, все-таки, еще накануне Великой войны и революціи въ низахъ народной жизни — въ быту, хозяйствѣ и сознаніи — непочатые пласты Востока и Москвы: Европа сюда какъ будто-бы и не заглядывала. Когда революція раскрыла народныя нѣдра, эти пласты поднялись наверхъ. Вотъ почему Великая російская революція многими своими чертами такъ удивительно напоминаетъ старый московскій бунтъ — «безсмысленный и беспощадный». Вотъ почему современное совѣтское государство, вышедшее изъ революціи, такъ странно походить на старое крѣпостное Московское царство. И революція, и совѣтское государство только по западному задуманы — выведены и сколочены они по восточному и изъ наполовину восточныхъ матеріаловъ.

Что опредѣляетъ жизнь народа: его бытіе или его сознание? Или иначе: бытіе народа опредѣляетъ его сознание или сознание народа его бытіе? Это вопросъ спорный и врядъ ли можетъ быть наукой разрѣшенъ. Но вотъ что, для современной науки, безспорно: и бытіе, и сознание народа только формы его «культуры». Какова культура народа, таковы и его бытіе, и его сознание. Культура російскаго имперскаго народа — московская, восточная. Потому, какъ его бытіе — московское, такъ и его сознание, и, въ частности, сознание государственное, почти ничѣмъ не отличается отъ сознания московскихъ людей. Какъ для московскихъ людей, такъ и для имперскаго народа: міромъ управляетъ Богъ, а на землѣ его намѣстникъ — царь. «Царь отъ Бога приставъ» — говоритъ имперская народная пословица. Потому, все, что дѣлаетъ царь, онъ дѣлаетъ по наущенію Бога — «сердце царево въ рукѣ Божьей» — и все царское — Божье: воля царская — воля Божья, дѣла царскія — дѣла Божьи, «судъ царевъ — судъ Божій», «и весь царскій Божій родъ». Какъ для московскихъ людей, такъ и для имперскаго народа: во всѣхъ зем-

ныхъ дѣлахъ и, въ особенности, въ дѣлахъ государственныхъ, Богъ и царь неотдѣлимы — «никто, какъ Богъ, да государь», «никто противъ Бога, да противъ царя», «все во власти Божьей, да государевой». Въ 1848 году славянофилъ Иванъ Аксаковъ былъ въ Бессарабіи. Руснаки — бессарабскіе русскіе крестьяне — спрашивали Никиту — его слугу: «Правда ли, что, говорятъ, у нашего царя есть бумага отъ Бога, и что онъ часто ходитъ къ Богу на небо, и Богъ къ нему ходитъ на землю?» Какъ для московскихъ людей: одинъ Богъ на небѣ и одинъ царь на землѣ, такъ и для имперскаго народа: «одинъ Богъ, одинъ царь», «Свѣтигъ одно солнце на небѣ, а царь русскій на землѣ». Русскому царю всѣ народы подвластны. Потому, еще въ войну 1878 года русскіе солдаты говорили: «Турки взбунтовались, и царь приказалъ усмирить ихъ». Какъ для московскихъ людей, такъ и для имперскаго народа: мръ Богомъ держится, а царство — царемъ; безъ царя нѣтъ и царства, и царство отъ царя неотдѣлимо; и что Богъ на небѣ, то царь на землѣ. «Безъ Бога свѣтъ не стоитъ, безъ царя земля не правится»; «безъ царя — земля вдова», «безъ царя — народъ сирота»; «Богомъ да царемъ Русь крѣпка» — «нельзя быть землѣ русской безъ государя». «Богъ на небѣ, царь на землѣ» — «одному Богу государь отвѣтъ держитъ» — «что Богъ, то Богъ, на все святая воля царская». Потому, какъ передъ Богомъ, такъ и передъ царемъ: всѣ люди равны — всѣ холопы; и что есть у людей на землѣ — все Божье, да государево. Зачѣмъ рождается человекъ на землю? — Чтобы служить и работать Богу и государю. Въ этомъ и есть его земное назначеніе. «Душой Божьи, а тѣломъ государевы». Русскіе люди, какъ Богу, такъ и государю всегда служить и работать готовы. «Пословица есть, — писалъ въ своихъ замѣткахъ Петръ Великій о монахахъ, — кто пострижется, говорятъ, работать земному царю, а нынѣ пошелъ работать Небесному». Чья земля — кормилица русскаго народа? — Вся Божья да государева. Государь раздастъ ее своимъ холопамъ за службу и работу, но всегда можетъ взять ее у одного и отдать другому или отписать на себя. — Грозень Господь Богъ на небѣ — великъ страхъ его рабовъ передъ нимъ. «Страхъ же Господень — начало премудрости» — на этомъ стоитъ православный имперскій народъ. Грозень и царь на землѣ: «Гдѣ царь, тутъ и страхъ», «гдѣ царь тутъ и гроза» — «близъ царя, близъ смерти». — Грозень

Богъ, но и милостивъ — грозенъ царь, но и жалостливъ: «Богатъ Богъ милостью, а царь жалостью», «Богъ милостивъ, а царь жалостливъ». Русскій царь — христіанскій царь: царь слабыхъ, а не сильныхъ, кормилецъ и защитникъ простыхъ черныхъ людей, печальникъ и покровитель всѣхъ сирыхъ и убогихъ — «Государь—батюшка». «свѣтъ надежда, православный царь-государь». Всѣ люди корыстные, всѣ думаютъ о себѣ — одинъ царь — праведный: обо всѣхъ думаетъ, всѣхъ одинаково любить и жалѣть. «Гдѣ царь, тамъ и правда». Потому, хотя земля вся царская, и онъ можетъ отдать ее, кому хочетъ, но онъ дѣлитъ ее всѣмъ поровну, кто сколько можетъ обработать, никого не обойдетъ, никого не обидитъ — «равняетъ землю». Потому и народъ вѣритъ въ своего царя, почитаетъ его, какъ земного Бога — Богъ Небесный — Господь, а Богъ земной — царь — и всѣ свои надежды и упованія несетъ къ подножію царскаго трона: царь дастъ хлѣба, царь дастъ волю, царь дастъ и землю; царь — милостивый: онъ думаетъ о народѣ.

Отсюда двѣ опредѣляющія черты въ отношеніяхъ между царемъ и народомъ: рабская покорность народа царю и богоговѣйная любовь къ нему почти какъ къ святынь. Какъ московскіе люди, такъ и имперскіе: передъ Богомъ и царемъ — рабы. У раба передъ господиномъ — ничего своего: ни воли, ни имущества. Понятія личности, человѣческихъ правъ, свободы имперскимъ людямъ, какъ и московскимъ, неизвѣстны. Эти понятія придутъ позже съ Запада, когда Имперія будетъ на склонѣ, и взорвутъ ее — пока Имперія крѣпка, имперскіе люди о нихъ не знаютъ. Имперскіе люди служатъ и работаютъ царю, какъ Богу, а за службу и работу ждутъ отъ царя милости и правды. Ни тѣни притязаній или требованій къ царю — если обращаются къ нему, то только съ униженными жалобами и просьбами. Какъ царская особа, такъ и царское слово — священны. Потому имперскіе люди повинуются царскому слову, какъ Божьему велѣнію. Непослушаніе царю — тяжкій грѣхъ передъ Богомъ. Петръ Великій говорилъ: русскій народъ есть «послушливѣйшій народъ» въ свѣтѣ. И то же Екатерина Великая — на вопросъ, въ чемъ основная черта русскаго народа, отвѣтила: «Въ образцовомъ послушаніи». Требуя отъ русскаго народа образцоваго послушанія, Петръ Великій, вмѣстѣ съ тѣмъ, хотѣлъ сравнять его съ другими политическими народами и для

этого снять съ него рабій ликъ. Ибо, — какъ писалъ Петру Федоръ Салтыковъ, — «Россійскій народъ такія же чувства и разсужденіе имѣеть, какъ и прочіе народы, только его довлѣеть къ такимъ дѣламъ управить». Чтобы управить русскій народъ «къ такимъ дѣламъ» и сдѣлать его политичнымъ и регулярнымъ народомъ, Петръ запретилъ подписываться въ прошеніяхъ «полуименами», падать передъ царемъ на колѣни и снимать зимой шапки передъ дворцомъ. Онъ даже не любилъ, когда встрѣчные на его прогулкахъ кланялись ему земнымъ поклономъ, и, наоборотъ, охотно называлъ своихъ подданныхъ «сынами отечества». «Какое же различіе, — говорилъ онъ, — между Бога и царя, когда воздавать будутъ равное обоимъ почтеніе? Менѣе низкости, болѣе усердія къ службѣ и вѣрности ко мнѣ и государству — сія то почеть свойственна царю». Однако, всѣ старанія Петра въ этомъ направленіи, такъ же, какъ и его другія попытки оевропентъ подлый народъ, не привели ни къ чему. Петръ началъ не съ того конца. Чтобы снять съ народа рабій ликъ, надо было раскрѣпостить народъ — снять съ него рабью неволю. Ибо, какъ писалъ Пуффендорфъ о русскомъ народѣ: «Рабскій народъ рабски смиряется». Но Петръ этого не сдѣлалъ. Наоборотъ усугубилъ неволю — еще туже затянулъ московскій крѣпостной уставъ. Потому и его старанія снять съ русскаго народа рабій ликъ не привели ни къ чему. И послѣ Петра, лицо русскаго народа — рабское. Сыны отечества и имена вмѣсто полуименъ нисколько его не измѣнили. Московскія подписи: холопи твои такіе то, съ полуименами, теперь были замѣнены имперскими: Вашего Величества нижайшіе рабы такіе то съ полными именами — «рабъ твой государской Федоръ Апраксинъ челомъ бьетъ», «рабъ твой Борисъ Шереметьевъ, рабское поклоненіе творю». А сыны отечества отлично умѣстились въ одномъ званіи съ нижайшими рабами: какъ обычно въ документахъ 18 вѣка, — «вѣрные рабы и честные сыны отечества», «рабы Е. И. Величества и сыны отечества». — И то же было при Екатеринѣ Великой. И Екатерина мечтала о вольностяхъ и свободѣ для народа. «Противно христіанской религіи и справедливости, — писала она, — дѣлать людей, которые всѣ рождаются свободными, рабами». «Свобода, душа всего на свѣтѣ, безъ тебя всё мертво». Но, оттого ли что это была только мечта о свободѣ, а не твердая воля къ ней, или оттого, что время еще не при-

шло, но и Екатерина рабьей неволи со своего народа не сняла, — наоборотъ, какъ и Петръ, усугубила ее: укрѣпила въ помѣщичью неволю миллионы казенныхъ крестьянъ. Потому, и при Екатеринѣ лицо народа оставалось рабскимъ. Когда читаешь отчеты Екатерининской Комиссiи объ Уложенiи и наказы избирателей, поражаешься неподдѣльному и беззавѣтному чувству покорности и преданности монарху: ни тѣни сознанiя человѣческихъ правъ и достоинства, — только «рабское подобострастiе» и моленiя о «матернемъ милосердiи». «Припадая предъ всеaugустѣйшемъ Вашего императорскаго Величества престоломъ, — пишутъ въ своемъ наказѣ прилуцкіе дворяне, — какъ предъ освященнымъ алтаремъ, ражженные любовью, благоговѣнiемъ и повиновенiемъ, рабскіе сердца наши жремъ въ жертву». «Мы нижайшіе, — пишутъ старицкіе горожане, — какъ вѣрноподданые Ея Величества рабы съ глубочайшимъ усердiемъ повиноваться, яко повелѣнiю самого Бога, должными остаемся». И то же въ другихъ наказахъ: бѣдные, всенижайшіе, вѣрноподданнѣйшіе рабы «съ рабскимъ подобострастiемъ преклоняють колѣна сердца своихъ и припадають къ освященнымъ стопамъ». Выбирая Комиссiю объ Уложенiи, Екатерина призвала къ выборамъ всѣ города и уѣзды, а въ городахъ и уѣздахъ всѣ чины и сословія — дворянъ, кулцовъ и крестьянъ (кромѣ помѣщичьихъ крѣпостныхъ). Города и уѣзды и всѣ чины и сословія усердно исполнили волю государыни: избрали депутатовъ, снабдили ихъ наказами и отправили въ Москву, но поняли все это «великое дѣло» по старому, по московскому: какъ приказъ о явкѣ на выборную государеву службу. О чемъ и засвидѣтельствовали въ своихъ наказахъ: «Всевысочайшимъ Е. И. Величества манифестомъ повелѣно намъ, всеподданнѣйшимъ рабамъ, по приложенному при томъ обрядѣ... выбрать депутатовъ»; «во исполненіе высочайшаго повелѣнiя мы, по рабской своей должности, избрали такого то». И строго наказывали избранному депутату тоже, «по приложенному обрядѣ»: «Въ семъ поручаемомъ вамъ дѣлѣ окажите себя вѣрнымъ рабомъ Е. И. В., усерднымъ сыномъ отечества и согражданиномъ ревнительнымъ объ общемъ благѣ, во исполненіе высочайшія Е. И. В. власти и благоволенiя». Затѣмъ излагали «рабскія прошенiя» о своихъ нуждахъ и отягощенiяхъ, но и при этомъ неизмѣнно прибавляли: «Буде же Е. И. В. изъ сихъ нашихъ рабскихъ прошенiй что-либо не-

удобно покажется, то всеподданнѣйше просимъ высочайшимъ монаршимъ матернимъ милосердіемъ, снисходя къ намъ, всеподданнѣйшимъ рабамъ, милостиво простить и не поставить намъ то въ преступленіе; ибо мы всеподданнѣйше нижайшіе Е. В. рабы во всемъ смѣло повинемся высочайшей Е. И. В. власти, что за благо повелѣтъ соизволить». И въ заключеніе, по поводу «великаго дѣла», ради котораго и созвана была Комиссія: «Что же касается до сочиненія проектовъ новаго Уложенія, то мы, всеподданнѣйше рабы, повергаемъ себя въ высочайшее Е. И. В. Матернее соизволеніе, и какою матернею оное для всего государственнаго общества и пользы утверждено и освящено будетъ, оное зависитъ отъ высокаго соизволенія». Неудивительно, что, при такихъ настроеніяхъ своихъ подданныхъ, Екатерина, — правда, въ началѣ царствованія! — писала: «Нѣтъ ничего труднѣе, какъ удобрить нравы и склонности цѣлаго народа», который не знаетъ и не чувствуетъ своего порабоженія, но паче любить оное. — Ничто не измѣнилось въ лицѣ русскаго народа и въ слѣдующее подустолѣтіе. «Рабскій народъ», по прежнему, «рабски смиряется». Какъ это ни удивительно для 19 вѣка, рабская неволя въ Россійской Имперіи не слабѣетъ, а крѣпнеть. Во многихъ отношеніяхъ, первая половина 19 вѣка — апогей имперскаго рабства. Потому не измѣнилось и лицо народа. Потому не измѣнились и отношенія между народомъ и царемъ. Если что измѣнилось, то только подписи на прошеніяхъ — въ 1786 году было приказано: писать не бѣть челомъ рабъ, а приносить жалобу вѣрный подданный. Но даже это не всегда исполнялось, ибо, по существу, рабы и вѣрноподданные были равнозначущи. «Всеавгустѣйшій Монархъ! Всероссийскій государь!» — писали калужскіе крестьяне Павлу I, — «къ освященнѣйшему престолу всеподданнѣйшіе рабы припадаемъ». «Мы, нижайшіе, — писали ему же вологодскіе крестьяне, — желаемъ какъ Богу, такъ и Вашему Императорскому Величеству служить». «О, Всещедрый, Земной Господи, Великій Государь Императоръ и защита своей монархіи, защиты и помилуй подданныхъ своихъ десной своей царской рукой, аки Высшій Создатель...», писали Николаю I-му рязанскіе крестьяне. И уже послѣ освобожденія 21 мая 1861 года въ Москвѣ депутаты отъ сельскихъ обществъ Александру Пуму: «Благодаримъ В. И. Величество и весь вашъ августѣйшій домъ! Богъ на небеси, а вы на земли». И таковы же

были другія формы выраженія народныхъ вѣрноподданныхескихъ чувствъ. Когда Екатерина Великая проѣзжала Тулу, вся толпа на ея пути пала ницъ, да такъ и пролежала все время ея проѣзда. Когда Александръ I ѣхалъ по Курску, одна длинная улица наполнена была народомъ, стоявшимъ на колѣняхъ съ поднятыми надъ головами прошеніями. «Зрѣлище ужасное!» — восклицаетъ свидѣтель-адъютантъ Александра I Данилевскій. И такъ продолжалось и дальше — вплоть до освободительныхъ реформъ. Холоповъ смѣнили рабы. Рабовъ — вѣрноподданные. Но рабство осталось. Не измѣнился и рабій ликъ народа. Не удивительно, что, для иностранныхъ наблюдателей, Россійская Имперія, и въ XIX вѣкѣ, — царство рабской неволи и страха. — Подлинное просвѣтлѣніе лица русскаго народа началось только съ эпохи Великихъ реформъ. Наблюдатели этой эпохи отмѣчали, какъ, съ паденіемъ рабства, прояснялись лица бывшихъ рабовъ, выпрямлялись спины, крѣпла поступь. вмѣстѣ съ распространеніемъ просвѣщенія, медленно, но неуклонно происходило «просіяніе народнаго ума». Холопы и рабы превращались въ настоящихъ вѣрноподданныхъ. Покорность и страхъ передъ царемъ смѣнялись вѣрой въ царя и преданностью ему. Сознаніе человѣческихъ правъ и ростъ человѣческаго достоинства обѣщали близкое рожденіе гражданъ — подлинныхъ «сыновъ отечества». Но не надо себя обманывать и въ этомъ отношеніи. Превращеніе рабовъ и вѣрноподданныхъ въ гражданъ — процессъ такой же болѣзненный и трудный, какъ весь процессъ европеизаціи русскаго народнаго быта и сознанія. Вѣковое рабство не исчезаетъ сразу, даже по мановенію руки самодержавнаго царя. Рабій ликъ сходитъ съ народа медленно и оставляетъ послѣ себя страшные слѣды. Наблюдатели второй половины XIX вѣка — 70-хъ и 80-хъ г. г. — съ ужасомъ отмѣчали: рабство, давно отмѣненное въ законѣ, еще гнѣздится во всѣхъ порахъ жизни — въ быту, въ хозяйствѣ и, больше всего, въ душахъ людей. Уходя изъ душъ, оно не всегда замѣняется сознаніемъ свободы и человѣческаго достоинства — чаще распушенностью и своеволіемъ. Только къ концу XIX вѣка въ низахъ городскаго народа появляется тонкая прослойка людей, хотя отдаленно напоминающихъ западныхъ гражданъ — влюбленныхъ въ свободу и цѣнящихъ свою человѣческую личность. Только въ XX вѣкѣ такіе люди появляются въ деревнѣ. И, все-таки, когда пришла

революція, на сцену вышли не только новые люди, но и старые — со старой душой и «рабымъ ликомъ». Потому такъ страшенъ и ликъ русской революціи. Потому, «взбунтовавшіеся рабы», въ устахъ министра Временнаго Правительства, — не только «контрреволюціонная» фраза: это правда о революціи, хотя и не вся правда, и, въ значительной мѣрѣ, приговоръ ей.

Имперскіе люди не только беззавѣтно преданы своему государю и рабски покорны ему. Имперскіе люди беззавѣтно любятъ своего царя и благоговѣютъ передъ нимъ, какъ передъ святыней. Русскій народъ — «царелюбивый народъ». Россійская Имперія стоитъ не только на покореніи царю народа — еще больше она стоитъ на «царелюбїи». Когда Екатерина Великая путешествовала по Волгѣ, крестьяне смотрѣли на нее, какъ на икону, и просили ставить передъ ней свѣчи. «Если бы дозволили, — писала она о своемъ пребываніи въ Казани Панину, — они бы себя вмѣсто ковра постлали, и въ одномъ мѣстѣ по дорогѣ мужики свѣчи давали, чтобы предо мною поставить, съ чѣмъ ихъ прогнали. Кутужтой быть здѣсь не долго». Еще больше благоговѣлъ народъ передъ Александромъ I. 6 декабря 1809 года Александръ верхомъ подѣхалъ къ заставѣ Москвы. «Толпа была такъ велика, — рассказываетъ очевидецъ, — что трудно было ѣхать. — Берегитесь, берегитесь, — часто повторялъ государь, — чтобы не зашибла лошадь. — Батюшка! — кричалъ народъ, — мы на плечахъ и тебя, и лошадь твою понесемъ; намъ подѣ тобою легко. Съ большимъ затрудненіемъ ѣхалъ Александръ среди толпы; народъ цѣловалъ его ноги, платье и даже лошадь... Многіе стирали платками потъ съ лошади и говорили: мы дѣтямъ, внукамъ и правнукамъ оставимъ это на память». О другомъ случаѣ рассказываетъ адъютантъ Александра I графъ Комаровскій: «Всякій день послѣ развода государь изволилъ прогуливаться верхомъ по московскимъ улицамъ. Однажды я имѣлъ счастье сопровождать императора; множество народа окружало императора и безпрестанно кричало: ура! Одинъ мужикъ долго шель подлѣ стремени императора, все люблюсь на него, вдругъ обтеръ пылъ съ сапога Его Величества, перекрестился и поцѣловалъ его въ ногу; это было какъ сигналомъ для толпы, которая, такимъ же образомъ, начала цѣловать съ обѣихъ сторонъ ноги императора». И то же происходило и позже, при Николаѣ I и Александрѣ II.

«Имя царя, — писалъ о Николаѣ I Герценъ, — еще возбуждаетъ въ народѣ суевѣрное сочувствіе. Въ народномъ воображеніи царь представляется грознымъ мстителемъ, осуществленіемъ правды, земнымъ провидѣніемъ». Въ 1831 году въ Петербургѣ вспыхнуло холерное возмущеніе на Сѣнной площади. Николай самъ явился и успокоилъ толпу. Послѣ этого онъ еще два раза былъ въ Петербургѣ. «Сопровождавшіе его передавали мнѣ, — записываетъ Погодинъ, — что, какъ только замѣтятъ императора, съ поспѣшностью бѣгутъ посмотрѣть на него поближе; чѣмъ многіе, увидавъ его проѣзжающаго мимо, крестятся сами и крестятъ его». Благоговѣніе народа передъ Александромъ II было такъ велико, что во многихъ избахъ передъ его портретомъ висѣли лампадки. И тѣ же сцены при встрѣчѣ народа съ царемъ: колѣнопреклоненіе, осыненіе крестнымъ знаменемъ и слезы умиленія передъ обожаемой святыней. Таяніе царелюбія началось только въ послѣднія десятилѣтія 19 вѣка и шло сверху внизъ. Въ 70-хъ и 80-хъ годахъ этотъ процессъ захватилъ верхи городского населенія — купечество и чиновничество; въ 90-е годы — рабочіе; въ началѣ 20 вѣка — мѣщанство. Окончательно царелюбіе въ городскихъ массахъ было разстрѣляно 9 января 1905 года. Еще позже этотъ процессъ захватилъ деревню — въ Японскую войну и первую революцію. Еще въ 1902 году, во время аграрныхъ волненій въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ, мѣстные крестьяне были увѣрены, что по губерніямъ ѣздитъ наследникъ-цесаревичъ и раздаетъ земли и что онъ «сіяетъ». Еще въ 1905 году, — по свидѣтельству большевистскихъ агитаторовъ, — о царѣ въ деревнѣ надо было говорить съ величайшей осторожностью. Народъ еще любилъ царя, хотя ужъ и началъ въ немъ сомнѣваться. Въ періодъ между первой революціей и войной таяніе царелюбія шло неудержимо. Во время войны душа народа ушла отъ царя окончательно. вмѣстѣ съ царелюбіемъ пала основная опора императорской власти. Россійская Имперія стояла передъ надвигающейся революціей безпомощной.

И. Бунаковъ.